

Маме, Марике Блум, которая научила меня лучшему виду чародейства — видеть во всем красоту и находить волшебство в самых неожиданных местах.

Кэсс

Андреа, Сиенне, Фióне и остальным членам моего ковена. И моей матери, Ширли Пейдж, чья магия всегда будет со мной.

Даниэль

Пролог

Ведьма посмотрела на корчившуюся перед ней на земле белокурую девушку, глаза которой были огромными от страха.

— Не смотри на меня так. Говорю же, я не хочу этого делать,— проговорила ведьма, очерчивая круг, зажигая свечи и проверяя, как там котел. На алтаре рядом с жертвой блеснул уже наточенный нож.

Девушка в ответ застонала, и по ее лицу потекли слезы. Несмотря на заткнутый рот, ее слова прозвучали в голове у ведьмы с кристальной ясностью:

«Вспомни, кто я такая. Вспомни, кто ты такая. Вспомни Вороних».

Ведьма ожесточила свое сердце. Без сомнения, девушка почувствовала в извиняющемся тоне ее пленительницы шанс на спасение. Шанс убедить ту остановиться. Шанс остаться в живых.

Но для этого слишком поздно. Магия не читает проповедей, она дает и берет. Таков ее дар. Такова цена.

Ведьма опустила рядом с девушкой на колени и в последний раз проверила, хорошо ли та связана. Узы были тутими, но не настолько, чтобы помешать току крови. Она же не монстр.

Крики девушки возобновились, пробиваясь сквозь кляп во рту.

Ведьма скрипнула зубами. Ее куда больше устроило бы, окажись жертва без сознания. Однако обряд, который она раскопала, оказался очень специфическим. Чтобы он сработал, его нужно провести безукоризненно. В противном случае...

Она закрыла глаза. О такой возможности даже думать сил нет. Он *должен* сработать. Без вариантов.

Ведьма схватила нож и начала заклинание.

Под конец ритуала она была удивлена тому, как легко все получилось. Хлесткий удар, потоки красного, сопровождаемые специфическим электризующим потрескиванием истекающей в воздух магии, которое ни с чем не спутаешь...

Магии, которая теперь целиком и полностью принадлежит ей.

Глава первая

ВИВИ

— Вивьен!

Дафна Деверо стояла в дверях комнаты дочери, и ее лицо было искажено страданием, отчасти наигранным. Даже в невыносимую жару, которая царила в городке Рино, на ней был черный халат в пол, отделанный золотой бахромой, а непослушные темные волосы поддерживал бархатный платок.

— Ты не можешь ехать. У меня было дурное предчувствие.

Виви покосилась на мать, подавила вздох и продолжила сборы. Днем она уезжала в Вестерли-колледж в Саванне, поэтому сейчас пыталась запаковать всю свою жизнь в два чемодана и рюкзак. К счастью, в этом она была хорошо подкована. Всякий раз, когда на Дафну Деверо снисходило очередное «предчувствие», они отбывали прямо на следующее утро, наплевав на неоплаченное жилье и неупакованные вещи... «Полезно начинать жизнь с чистого листа, конфетка моя,— сказала как-то Дафна восьмилетней Виви, которая молила вернуться за мягкой игрушкой, бегемотиком Филиппом.— Ты же не хочешь тащить за собой плохую энергию».

— Дай угадаю,— проговорила Виви, запихивая в рюкзак несколько книг. Дафна тоже переезжала, меняя

Рино на Луисвилл, и Виви не могла доверить ей свою библиотеку.— Ты видела, как в мою сторону движется густая и всесильная тьма.

— Тебе будет небезопасно в этом... *месте*.

Виви закрыла глаза и глубоко вздохнула в надежде, что это поможет ей успокоиться. Ее мать уже несколько месяцев не могла заставить себя произнести слово «колледж».

— Это место называется «Вестерли» — вполне цензурное слово, не ругательство.

Отнюдь не ругательство, напротив. Для Виви этот колледж стал спасительной надеждой. Она была потрясена, получив полную стипендию в этом учебном заведении, которое, казалось бы, совсем ей не по плечу и уж точно не по карману. Виви всегда хорошо училась, но при этом за последнее время сменила три школы, в две из которых поступила в середине учебного года, и поэтому в ее табели оказалось много пропусков. Однако Дафна была категорически против колледжа.

— Ты возненавидишь Вестерли,— сказала она с удивительной убежденностью.— Моя нога никогда не ступит на территорию кампуса.

Именно это окончательно убедило Виви. Если ее мать так ненавидит колледж, значит, он идеально подойдет для того, чтобы начать новую жизнь.

Пока Дафна со скорбным видом стояла в дверях, Виви смотрела на календарь с видами Вестерли — единственное на этот раз украшение, которое она не поленилась прикрепить к пожелтевшей штукатурке. Из всех квартир, где они жили на протяжении многих лет, эта нравилась ей меньше всего. Две спальни и остальные комнаты над ломбардом провоняли табачным дымом и отчаянием, как, впрочем, и почти весь пыльный штат Невада. Глянцевые фотографии из календаря, воспевавшие увитые плющом здания и

замшелые дубы, стали маяком надежды, напоминая о чем-то лучшем — о будущем, которое Виви могла создать для себя вдали от матери с ее дурными предзнаменованиями.

Однако, увидев на глазах Дафны слезы, Виви немного, совсем чуть-чуть, смягчилась. Хоть ее мать и была чрезвычайно искусной актрисой, что необходимо, когда зарабатываешь на жизнь, заставляя совершенно посторонних людей расставаться со своими деньгами, плакать по заказу она никогда не умела.

Виви отложила сборы и сделала в сторону матери несколько шагов по тесной спальне.

— Все будет хорошо, мама,— сказала она.— Я приеду очень быстро. Не успеешь оглянуться, как уже наступит день благодарения.

Мать хмыкнула и вскинула в воздух свою белую руку. Виви унаследовала от нее оттенок кожи и была уверена, что они — два самых бледнолицых человека во всей Неваде.

— Только посмотри, какую карту я достала, когда делала на тебя расклад.

Речь шла о карте Таро. Дафна зарабатывала, якобы читая судьбу всем тем отчаявшимся, сломленным людям, которые обращались к ней, отстегивая хорошие деньги в обмен на бредовые банальности: «Да-а, ваш ленивый муженек скоро найдет работу; не-ет, ваш пройдоха-папаша вовсе вас не презирует, больше того, на самом деле он и сам сейчас вас разыскивает...»

Ребенком Виви любила наблюдать, как ее красавица-мама поражает клиентов мудростью и ослепляет своим блеском. Но становясь старше, она все чаще скрежетала зубами, наблюдая, как Дафна извлекает выгоду из их страданий. Сил не было смотреть, как людей надувают, но и как-то это изменить Виви тоже не могла. Гадания Дафны были их единственным источником

дохода, единственным способом заплатить за дрянное жилье и уцененные продукты.

Но теперь все это в прошлом. Виви наконец-то нашла выход. Она начнет новую жизнь вдали от матери с ее импульсивным поведением, которое заставляло их снова и снова срывать с места, потому что у Дафны появилось очередное «предчувствие».

— Дай угадаю,— снова сказала Виви, поднимая брови и показывая на карту, которую мать держала в руке.— Смерть?

Лицо Дафны потемнело, а когда она заговорила, ее обычно мелодичный голос был до дрожи резким и тихим.

— Виви, я знаю, что ты не веришь в карты, но хоть раз в жизни послушай меня.

Девушка взяла карту и перевернула ее рубашкой вниз. Конечно, на нее свирепо вытаращился скелет с косою, его глаза были черными провалами, рот кривился в почти ликующей ухмылке. Лишенные плоти конечности не касались земли, а позади тонуло в кроваво-красном небе солнце. Виви почувствовала странную дрожь и головокружение, словно она стояла на краю высокого обрыва и смотрела вниз, в зияющий провал, а вовсе не в своей комнате, из окна которой можно было увидеть лишь неоновую-желтую вывеску «МЫ ПОКУПАЕМ ЗОЛОТО» на противоположной стороне улицы.

— Я же говорю, Вестерли — небезопасное место для таких, как ты,— прошептала Дафна.— Ты способна видеть сквозь завесу, и это делает тебя мишенью для темных сил.

— Видеть сквозь завесу? — утомленно проговорила Виви.— Я думала, ты больше не будешь говорить мне такие вещи.

На протяжении всего детства Виви Дафна пыталась втянуть дочь в свой мир карт Таро, спиритических сеансов и магических шаров, уверяя, что у той есть «особые силы», которые только и ждут, чтобы их начали развивать. Она даже учила Виви делать простые расклады для клиентов — тех завораживал вид маленькой девочки, беседующей с духами. Но в конце концов Виви поняла правду: никаких особых сил у нее нет, и сама она — всего лишь очередная пешка в маминых руках.

— Я не могу контролировать, какую карту вытащу. Глупо игнорировать предостережения вроде этого.

За окном раздался сигнал автомобиля, кто-то громко выругался. Виви вздохнула и покачала головой:

— Но ты же сама объясняла мне, что Смерть символизирует перемены, конец одной части жизни и возрождение к следующей.— Виви попыталась всучить карту обратно матери, но та демонстративно подбоченилась.— Ясно, что у нее именно такое значение. Колледж — начало моей новой жизни.

Жизни, где больше не будет никаких внезапных полуночных побегов в не пойми какие края; никаких переездов именно тогда, когда уже начинает завязываться настоящая крепкая дружба. В последующие четыре года она с полным основанием может считать себя обычной студенткой колледжа. У нее будут друзья, будет нормальное общение, может быть, она запишется на несколько факультативов — или в самом крайнем случае хотя бы поймет, какие дисциплины ей в принципе по душе. Они с мамой так часто переезжали, что у нее не было возможности особенно преуспеть в чем-нибудь. Ей пришлось бросить флейту после трех месяцев занятий, уйти посреди сезона из софтбольной команды и столько раз прекратить курс французского для начинающих, что теперь «Bonjour,

je m'appelle Vivian. Je suis nouveau»¹ у нее от зубов отскакивало.

Мать покачала головой:

— В раскладе вместе со Смертью шли Десятка Мечей и Башня. Предательство и внезапное насилие. Вивьен, у меня просто ужасное чувство...

Виви сдалась, сунула карту в чемодан, а потом потянулась к матери и взяла ее руки в свои.

— Для нас обеих все сейчас сильно меняется. Неудивительно, что нам неспокойно. Просто скажи, как все нормальные родители, что будешь по мне скучать, а не приплетай к этому послание из мира духов.

Мать крепко сжала ей ладони.

— Я знаю, что не могу решать за тебя...

— Тогда перестань пытаться это сделать. Пожалуйста.— Виви, как в детстве, сплела пальцы с пальцами матери.— Не хочу тратить последний день перед отъездом на ссоры.

Дафна поняла, что эта битва проиграна, и ее плечи поникли.

— Обещай мне, что будешь осторожна. Помни, на деле все часто оказывается совсем не тем, чем казалось вначале. Опасным может быть даже то, что производит впечатление хорошего.

— Это ты так пытаешься сказать, что во мне таится зло?

Мать смерила ее испепеляющим взглядом.

— Просто не теряй головы, Вив.

— Ну, в этом ты точно можешь не сомневаться,— Виви широко улыбнулась, а Дафна в ответ закатила глаза.

— Я вырастила эгоистку,— проговорила она, но все равно потянулась обнять дочь.

¹ Здравствуйте, меня зовут Вивьен. Я новенькая (*фр.*).

— А виноваты твои разговоры в духе: «В тебе есть магия, ты можешь сделать всё, что захочешь»,— ответила Виви, отпуская маму, чтобы до конца застегнуть молнию на чемодане.— Обещаю, я буду осторожна.

Она говорила всерьез, потому что знала, что и в колледже вполне может случиться что-нибудь нехорошее. Плохие вещи случаются везде, но Дафна обманывает себя, если думает, что гадание на картах хоть что-нибудь значит. Никакой магии не существует.

Во всяком случае, так думала Виви.

Глава вторая

СКАРЛЕТТ

«Ты не выбираешь сестер. Это делает магия». Так сказала ей няня Минни за много лет до того, как Скарлетт Винтер вступила в Каппа-Ро-Ню¹. Эти слова вспомнились Скарлетт сейчас, когда ее мать въезжала на автомобиле в кованые железные ворота колледжа Вестерли, где собрались стайки девушек. Некоторые из них, юные и взволнованные с виду, вцепились в свои чемоданы, другие разглядывали кампус голодными глазами, будто готовясь завоевать его. Где-то в этом девичьем море были и те, кто пополнит Каппу. Эти новые Воронихи (так называли себя сестры), если все пойдет, как задумала Скарлетт, и магия будет к ней благоволить, уже в течение этого года признают ее своим лидером.

Когда они миновали ворота, она почувствовала себя свободнее и сильнее, будто вышла из тени своей родни на свет. На самом деле это было полной нелепицей, потому что ее мать Марджори и старшая сестра Эжени встречались в Доме Каппы повсюду. Их лица смотрели

¹ Студенческие «организации греческих букв» в США, братства и сестринства, носят названия, состоящие из трех букв греческого алфавита.

с групповых фотографий на стенах. Их имена были на устах старших девушек из сестринства. Они уже оставили тут свой след до нее. Но как бы ни давили на Скарлетт чужие ожидания, она была намерена продемонстрировать всем и каждому, что лучшая из семейства Винтер учится в колледже именно сейчас. Да, она тоже станет президентом, как ее родственницы, но будет лучше, талантливее, сильнее и, в отличие от них, произведет неизгладимое впечатление. В этом-то и прелесть положения той, кто идет следом: можно превзойти своих предшественниц. Ну, так она себе говорила.

— Все-таки тебе надо было надеть красное платье,— сказала Марджори, хмурясь на отражение дочери в зеркале заднего вида.— Оно больше подходит для будущего президента. Ты должна излучать могущество, хороший вкус, лидерские качества...

Скарлетт взглянула в то же зеркало на свое отражение. Кожа Скарлетт, Эжени и Марджори была коричневой, но разных оттенков. Все три дамы семьи Винтер выглядели потрясающе, но старшая сестра очень походила на мать, тогда как младшая сильно отличалась от них обеих своим острым носиком и широко расставленными глазами. Пока росла, она всегда завидовала сходству матери и Эжени, у которых все, включая идеальные носы, было одинаковым.

Скарлетт разгладила свое зеленое платье.

— Мама, я сильно сомневаюсь, что Далия выбирает кандидатку в президенты Каппы, принимая во внимание цвет платья в первый день занятий. А нарядиться в красное, когда тебя зовут Скарлетт¹, как-то слишком банально.

Выражение лица Марджори стало убийственно серьезным.

¹ Scarlett по-английски значит «алый».

— Скарлетт, тут принимается во внимание *все*.

— Кстати, она права,— подхватила с переднего сиденья Эжени.

— Слушай, что говорит сестра, она была президентом два года подряд,— гордо сказала Марджори.— А теперь твой черед подхватить семейную традицию.

Эжени ухмыльнулась.

— Если, конечно, ты не намерена просто отсидеться в уголке.

— Конечно нет, я же Винтер, правда? — Скарлетт выпрямилась и уставилась на сестру пронзительным взглядом.

Она не знала точно, зачем Эжени настояла на том, чтобы поехать сегодня в Вестерли; обычно она только и твердила, что очень занята в юридической фирме матери, где была младшим партнером. С другой стороны, Эжени хваталась за каждую возможность указать младшей сестре ее место. Например, усаживалась на переднее сиденье и вынуждала Скарлетт расположиться сзади, хотя вся поездка затевалась именно ради нее.

Мать резко кивнула.

— Никогда не забывай об этом, дорогая.

Марджори подвинулась, чтобы посмотреть на Скарлетт, и та уловила аромат духов, легкую жасминовую нотку, напомнившую, как мать, заработавшись на своей фирме, в ночи пробиралась к ней в комнату и целовала ее в лоб. Скарлетт всегда притворялась спящей, потому что мама очень старалась не разбудить ее, хотя на самом деле не имела ничего против того, чтобы проснуться. Это напоминало ей о том, как сильна мамина любовь, та самая, которую Скарлетт не всегда ощущала, бодрствуя.

Больше всего Марджори заботило, чтобы обе дочери пошли по ее стопам и стали президентами Капшы.